

УДК 81'373.43

Е. И. Гусева

ТЕРМИНЫ–ДУБЛЕТЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос о дублетности исконной и заимствованной лексики, всплывающий с каждой новой волной заимствования, приобретает особую актуальность сейчас, когда эти волны накатывают практически на все языки. Сравнивая интенсивность проникновений заимствованной лексики в европейские языки, Х.Пфандль отмечает, что русский язык является самым открытым для влияния со стороны англо-американской лексики. Противостоят бесконтрольному заимствованию, по мнению исследователя, должно языковое планирование и поиск “собственных альтернатив заимствованию” уже на этапе перевода: “бороться с устоявшейся привычкой сложнее, чем ввести неологизм в самом начале появления новой реалии” [7, с. 113].

Безусловно, каждый язык может предложить альтернативы заимствованиям уже в момент перевода. Но не всегда таким аналогом выступает слово, особенно если речь идет о переводе единицы специального языка – терминологического слова. Для некоторых терминов английского языка нет однозначного или, вернее, однословного соответствия в принимающем языке. Отсутствие эквивалента и частичная эквивалентность слова, претендующего на роль термина, приводят к описательному переводу, неэкономичность которого может стать причиной заимствования. Кроме того, словность – это один из критериев терминологичности (терминослово удовлетворяет требованию краткости и требованию концептуальной целостности [5, с. 188]), что также определяет предпочтение заимствованного слова словосочетанию заимствующего языка.

Предпочтение заимствования переводу обусловлено и другими внутренне присущими термину свойствами, такими, как, специальность (связь с научным понятием), системность, дефинированность, а также систематичность и “мотивированность термина, тесно связанная с его системностью” [1, с. 88].

Благодаря дефинированности, терминологическое слово менее нуждается в контекстной поддержке и менее связано с контекстом. Семантическая самодостаточность и, как следствие, изолированность в высказывании – это свойства термина, делающие использование заимствования удобным и правомерным одновременно.

Для термина как специальной номинации характерно более жестко фиксированное отношение наименования [4, с. 262] – более устойчивая связь означаемого с означаемым, что ограничивает возможности перевода терминологического слова. В общем случае при переводе единиц, больших, чем слово, расхождение в объеме значения словарных эквивалентов легко преодолевается с помощью той или иной лексико-семантической трансформации. Каждая из них приемлема как трансформация слова, так как редуцированную часть семантики можно восстановить в ином месте текста и иными средствами, но едва ли допустима при переводе термина – формы вербализации научного понятия. Специальное понятие, как отмечают терминологи, как правило, имеет точные границы, устанавливаемые с помощью дефиниции термина. Контекстная же подвижность значения для термина недопустима [3, с. 198–199]. Необходимость быть равным самому себе содержательно ограничивает возможности перевода термина.

Существенную роль в выборе формы вербализации понятия в заимствующем языке играет системность термина. Системность термина определяется терминологиями как лингвистическая, если в ней отражается связь термина с лексикой общего языка, и содержательная, когда в ней проявляется связь с научным понятием [2, с. 47–48]. При переводе термина значимы обе стороны его системности.

Мотивируя заимствование, иногда говорят, что слово английского языка более точно передает значение, чем его вариантные соответствия в языке-реципиенте. Вероятно, в таких случаях речь идет о понятии, которое оформилось в слове английского языка. Дело тогда не собственно в английском языке, а в “праве первоинства” — понятие не только ословливалось, но и рождалось в слове, оно определялось словом, в том числе его внутриязыковым значением. “Преимущество” языка, на котором зарождается понятие, перед заимствующими языками в том, что он задает исходную систему координат.

Связи термина с терминами (ср.: содержательная системность) и связи слова со словами (ср.: лингвистическая системность) образуют два концентрических круга этой системы. Содержательная системность термина отражается в его дефиниции: “Дефиниция научного понятия учитывает место понятия в системе, системную взаимообусловленность понятий” [6, с. 28]. Лингвистическая системность — в том или ином проявлении его внутриязыкового значения. Вот так, например, значение английского слова *discourse* задано в его синонимах: *dialogue, discussion, conversation, speech, dissertation*. А так значение задано в семантической структуре многозначного слова *discursive*: 1) *перемещающийся с одного места на другое; бегающий то туда, то сюда*, 3) *обоснованный предшествующими рассуждениями*.

Знание этой стороны значения, знание исходной системы координат не только способствует пониманию таких заимствованных терминов, как *дискурсивный* и *дискурсный*, но и помогает определиться с понятием *дискурс*.

Система координат, которая задается мыслеформирующим языком, является не только исходной, но и нормообразующей. Когда формирование понятия состоялось, когда оно оформлено в данном слове, для всех вторичных номинаций это слово выступает как норма. Это относится не только к вторичным номинациям данного языка, но и к вторичным формам вербализации понятия в заимствующих языках. Вторичные номинации могут лишь в большей или меньшей мере соответствовать заданному значению, в том числе и той его части, которая задана и эксплицирована внутренней формой слова, его другими системными связями. Так, например, значение, которое задает английский термин *inherent* с той или иной степенью приближенности передают русские эквиваленты: *неотъемлемый, внутренне присущий, свойственный, врожденный*, а также заимствование *ингерентный*, которое, по определению, наиболее приближено к слову-прототипу — единице исходной системы координат.

Считается, что заимствования являются “условными знаками — символами, несущими только номинативную нагрузку”. [6, с. 17]. Но заимствование — это прямой наследник термина исходного языка, его представитель в языке-рецепторе. Так как отношения родства налицо, то заимствование становится в этом смысле мотивированным знаком, так как указывает на “происхождение” понятия, а в связи с системностью термина — и на “происхождение” научной теории.

Представляя “иностранную”, “зарубежную” научную теорию содержательно и наглядно демонстрируя ее “иноязычное” происхождение, заимствованные термины являются ее абсолютными репрезентантами. Ту же функциональную нагрузку — быть вторичными маркерами источника — несет и неспециальная лексика научного текста, которая заимствуется попутно. Ср.: *преференции* — *предпочтения, рефлекс*ы — *отражения, дескрипции* — *описания, интеракции* — *взаимодействия, экспланыции* — *объяснения и т.п.* Заимствование неспециальной лексики, которая вовлекается в общий процесс заимствования не столько по причине следования моде, сколько в результате следования общему принципу системности, увеличивает число парных форм в лингвистическом дискурсе.

Есть и другие причины того, что терминологическая лексика по большей части заимствуется. В определенном смысле критерием терминологичности слова является

его противопоставленность общеупотребительному слову (ОУС). Этому критерию также как нельзя лучше соответствует заимствование. Преимущество заимствования перед исконным или ассимилированным словом заключается в его асистемности по отношению к языку-рецептору. В то время как недостатки ОУС как альтернативы заимствованному термину связаны как раз с его встроенностью в систему. В следующем высказывании, например, каждый термин сопровождается авторским толкованием, которое тоже может претендовать на роль терминологической номинации:

Коммуникативно-целевое назначение речевых актов определяется их иллокутивными силами, в связи с чем выделяются репрезентативы (информативные акты), директивы (акты побуждения), комиссивы (акты принятия обязательств), декларации (акты установления), перформативы (акты, создающие жизненные ситуации), интеррогативы (вопросительные акты), экспрессивы (акты выражения эмоционального состояния, в том числе формулы социального этикета) и др. [10, с 385].

Кроме того, каждому из данных терминов можно противопоставить не только словосочетание, но и слово общего языка. Например: директивы – побуждения, комиссивы – обязательства, интеррогативы – вопросы и т.д. Правда, преимущество авторских вариантов – в их систематичности, единой словообразовательной мотивированности, т.е. системности. И, напротив, системность альтернативных вариантов оборачивается их недостатком: в терминах семантического образования доминирует семантика слова общего языка. Преградой для терминологизации исконных слов становится их освоенность. Чтобы утвердить ОУС как альтернативный вариант заимствованию, нужно преодолеть инерцию его системных связей.

Заимствование научных понятий обуславливает предпочтение заимствованной терминологии терминам языка-рецептора, но не отменяет поиск вариантных соответствий к заимствованному слову. Появление терминологических дублетов обусловлено поисками оптимальной формы вербализации понятия. Варианты ословливания научного понятия появляются, например, в системе номинаций языковых функций, потому что в лингвистике продолжается не только конкретизация функций языка, но и поиск оптимальной формы репрезентации каждой из них. Так, коммуникативная функция подразделяется исследователями на “функции второго яруса: фатическая (контактоустанавливающая), репрезентативная (обозначение мира предметов), эмотивная (выражение чувств и эмоций), экспрессивная (самовыражение), волонкативная, прагматическая (отношение говорящего к содержанию высказывания)” [9, с. 382]. Сравните также варианты у других авторов: фатическая – контактная, эмотивная – коннотативная, гносеологическая – познавательная, аккумулятивная – накопительная.

Связывание в пары исконной и заимствованной лексики происходит не столько в научном тексте, сколько в научном дискурсе. Заимствованный термин, как и любой термин-неологизм, вынужден длительное время владеть за собой собственную дефиницию. Дефиниция термина, особенно слово-дефиниция, в первую очередь составляет конкуренцию заимствованию в качестве формы ословливания научного понятия. Но билингвизм авторов определяет такую особенность современного научного текста, как введение термина без дефиниции или же экспланации. Ср.:

Сочетание экспансионизма с экспланаторностью обусловлено новым взглядом на язык как на явление культуры народа ... [8, с. 35].

Собирая дефиницию по контексту или по всему языковому полю, связывая заимствованную и исконную лексику “в уме”, читатель вносит свой вклад в становление дублетных форм. В диалоге автор – читатель складывается ряд альтернатив – толкований по автору и по читателю, иногда неоднозначный, так как определяется этот вариативный ряд индивидуальным языковым опытом.

Таким образом, специальность, дефинированность, системность, мотивированность, словность – набор свойств термина, оказывающих влияние на выбор формы вербализации научного понятия в языке-рецепторе и в значительной степени объясняющих “предрасположенность” специального слова к заимствованию. С функционированием заимствования в языке-рецепторе связано появление у него слов-дублеров. Дальнейшее сосуществование, или коэкзистенция, терминов-дублетов в научном дискурсе осуществляется как взаимодействие вариантов и конкуренция факторов их предпочтения.

Литература

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учебное пособие. – М.: Высш.шк., 1991. – 140 с.
2. Журавлева Т.А. Особенности терминологической номинации. Монография. – Донецк: АОО. Торговый дом “Донбасс”, 1993. – 253 с.
3. Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К.Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 560 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
5. Марчук Ю.Н. Основы компьютерной лингвистики. Учебное пособие. – М.: МПУ «Народный учитель», 2000. – 226 с.
6. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М.: Филологический факультет, 1996. – 125 с.
7. Пфандль Х. О силе и бессилии пуризма. Англицизмы и интернационализмы и их возможные альтернативы (на материале русского, словенского и хорватского языков) // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 108–122.
8. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология (монография). – К.: Издательство украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
9. Шевченко И.С. Фатическая метакоммуникативная функция языка // XI Международная конференция по функциональной лингвистике. «Функциональное описание естественного языка и его единиц»: Сборник научных докладов. – Симферополь, 2004. – С. 381–383.
10. Шелякин М.А. О понятии языковой прагматики и ее основных типах // XI Международная конференция по функциональной лингвистике. «Функциональное описание естественного языка и его единиц»: Сборник научных докладов. – Симферополь, 2004. – С. 383 – 385.

Статья поступила в редакцию 13.03.2006 г.

□

УДК 81'1

А. С. Зеленко

ЛІНГВІСТИЧНІ ПАРАДИГМИ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ ХХ СТ.

Друга половина ХХ століття – це почасті функціонування початкової описової, компаративної з ХІХ ст.; уже пройденої у першій половині ХХ ст. структурної і нині повноцінно функціонуючих функціональної і когнітивної.

До речі, поняття лінгвістичної парадигми як загальнотеоретичного комплексу аксіом у мовознавстві певного періоду нині остаточно утверджується у сучасному мовознавстві.

Так, про лінгвістичні парадигми веде мову Т.В.Гамкрелідзе [4]. Зміна лінгвістичних парадигм нами констатується у посібнику із загального мовознавства [5]. Серед них називається класична описова, компаративна, структурна, генеративна, функціональна, когнітивна, лінгвістичного детермінізму. Наука перестає бути наукою, якщо процес пізнання не стає усвідомлено раціональним. Ми відзначаємо, що безкінечне нагромадження матеріалу, скажімо, за допомогою лінгвогеографування без його осмислення під кутом зору сучасної наукової лінгвістичної